

В своей прозе Василий Белов, творчество которого вызывает устойчивый читательский интерес, раскрывает глубинные, подлинно народные основы характера русского человека, умеет талантливо запечатлеть прекрасный миг бытия, донести всю значимость высоких нравственных ценностей. Сложный, противоречивый материал современной жизни осмыслен в его произведениях с беспощадной правдивостью.

Когда же в первой книге «хроники конца 20-х годов» «Кануны» писатель обратился к переломному в истории села периоду коллективизации, картины давней деревенской жизни были освещены взглядом современного художника. По словам В. Белова, «чтобы наше время и явления, ныне происходящие, понять, надо как следует те годы осмыслить».

Все события «великого перелома» в «Канунах», так же как и в написанных ранее «Плотницких рассказах», преломляются в судьбе старательного крестьянина, всеми своими корнями привязанного к земле, которого В. И. Ленин называл «центральной фигурой нашего хозяйственного подъема». Вместе с авторами таких произведений, как «На Иртыше» С. Залыгина, «Хлеб — имя существительное» А. Алексеева, «Линияги» С. Крутягина, В. Белов рассматривает коллективизацию сельского хозяйства в широком нравственно-философском аспекте.

«Кануны» составляют своего рода пролог к послевоенной истории семьи Дрыновых из «Привычного дела». Прямое указание на это встречается в тексте романа, где на собрании в избе-читальне выступает не кто иной, как отец героя «Привычного дела» Африкан Дрынов. Держа в руке замасленную пропотелую буденовку, он ратует «за общую справедливость» и требует, чтобы деревенская жизнь строилась «понадежнее», с учетом крестьянских интересов.

Но, в отличие от сына, Африкану пока еще не приходится по ночам косить сено для своей коровы; он живет с уверенностью в завтрашнем дне, имеет припасы до нового урожая, знает, что земля-матушка сторицей возблагодарит его за пролитый на пашне пот. Вот потому так раскованно и смело ведет себя Африкан Дрынов на собрании бедноты Ольховского ВИКа, не предполагая, накануне каких событий стоит он вместе с семьей и односельчанами.

Писатель точно обозначает начало действия: январь 1928 года. В его версипи вологодская деревня того времени наконец-то опростилась от го-

лода и разрухи гражданской войны, стала жить сытно и спокойно, невзирая на «инструкции временные, начальство временное», по-крестьянски обстоятельно рассуждая о выгодах кооперации, о результатах работы первых коммун. У крестьян в условиях такой стабильности появилось время и возможность сыграть свадьбу по старинному обряду, повеселиться на святочных игрищах, провести вечер за душевной беседой с соседями.

С любовью всматривается писатель в жизнь своих предков и видит в ней многие добрые стороны. Его привлекает радующие, скромность, умение довольствоваться малым. Даже несуразный лицом и фигурой Носопырь выглядит счастливым, хотя живет в бане и кормится подоянием.

«Весело глядит на деревню» дом Роговых, где в мире и счастья живут дети и взрослые, где уважают старость и нежно пекутся о благе молодых.

Празднующая рождественские святки деревня изображена с доброй улыбкой, с пониманием причин «отрадно-умиротворенного настроения, когда человек, живущий в постоянной тревоге и холоде, сам добился себе всего: тепла, покоя и куска хлеба».

Доволен итогами года Евграф Миронов, к которому пришли на беседу полтора десятка «спокойных мужиков и баб». Еще крепок и ухожен мироновский двухэтажный пятистенки; заполнен картофельный погреб; припасены кадушки соленых рыжиков, огурцов и капусты, корыта станов холста, корзины мороженой клюквы; в тепле стоят лошадь, две коровы с нетелью; прибраны под крышу дровни, розвальни, выездные сани, соха и железная, купленная в кредит борона. Есть время не спеша обсудить новости с заядлым книголюбом и выдумщиком Степаном Ключиным, перекинуться острым словцом с любительницей нюхательного табака старушкой Климовой, посочувствовать молодому Ивану Нечаеву, у которого вот-вот должна родить жена.

Писателя привлекает тот «дух полной свободы», что витает как в мужицкой беседе за столом у Миронова, так и в крестьянской компании, которая собралась в избе Кешы Фотиева и при свете лучины весело проводит время.

На страницах книги читатель не раз встретится с приметам хорошего людского настроения: «веселый горячий свет» озаряет темные, будто лаковые бревна баньки Носопыря; «веселье, словно весенняя речка в солнечное морозное утро...» набирает силу в громадной зимовке вдовы Савоварики на игрищах молодежи; «тревожно, ласково, счастливо, горько, весело, беззаботно» звучат деревенские частушки.

Если одним словом очертить суть деревенской жизни в первой книге романа «Кануны», то это будет найденное В. Беловым для заглавия очерков народной эстетики слово «Лад».

Погружаясь в «Ладе» в необъятную стихию народной жизни, В. Белов сознает невозможность постичь ее до конца. Он исходит из представления о ритме как одном из условий жизни, последовательно, неторопливо описывает дневной, недельный, годовой цикл крестьянских работ и праздников, говорит о жизненном цикле: от зачатия до могильной травы...

Все взаимосвязано в описании «круглого года» крестьянской семьи: если весной семена брошены в холодную землю — осенью не жди урожая; не заготовил летом сена — зимой в хлеву будет реветь голодная скотина. Писатель убедительно показывает, как вековая традиция помогала человеку быстрее (обычно в течение детства и отрочества) освоить наиболее рациональные приемы тяжелого труда, высвобождала время и силы. Счастливого живущий на земле человек, по мнению писателя, всегда любил свою «тихую» родину и свой труд. Он был благодарен земле, кормившей и поившей, одевавшей и нежившей его. Он знал, что земля голубит в свое время цветами, обвеивает прохладой, осушает пот усталости; эта же земля и упокоит навеки, когда придет крайний срок. Труд на этой земле «из осознанной необходимости быстро превращался в нечто приятное и естественное, поэтому незамечаемое». А поскольку работать красиво было не только легче, но и приятнее, то «талант и труд были неразрывны». При этом «человек всегда ощущал свое единство с природой. В союзе с нею он создавал сам себя и высокую красоту своей души, отраженную в культуре труда». Таким образом, в единый сплав народной жизни В. Белов включает труд не по принуждению, а по призванию на родной земле; «неподдельное и самое тесное общение с природой (вернее, не общение, а слитность, которая сводит на нет ужас небытия, смерти, исчезновения)»; и наконец, «поэтическое творчество» в крестьянском деле, когда красота и труд органически сливаются воедино. Труд, природа, творчество — эти три понятия многократно встречаются в деревенской прозе В. Белова и образуют философскую концепцию народной жизни.

Герои «Канунов» живут «ладно», и писатель с глубоким знанием деревенских нравов и обычаев, с уважением к духовным и нравственным ценностям народа рисует крестьянский мир во всей его целостности. Вслед за добродушной перепалкой Носопыря со сказочным «баннужкой» идет подробное описание «рубленного в обло» дома Роговых, а там уже близится час знакомства с девичьим гаданием на ложках и зеркальцах, с красочной свадебной церемонией, с обретающим поистине вселенское звучание гулянием молодежи: «Десяток гармошек, русских и хроматических, разнотонных, звонких, то простуженно-хриплых, игриво вздыхали и жаловались; сотни девичьих голосов, отдельно и артелями, пели, звенели и плыли во все стороны. Везде чуялись крики подростков, женское аханье, визг мелких девчонок и мужской хохот, но все это сливалось в один сплошной, словно всесветный гул».

На фоне охваченной пиршеством жизни Шибанихи и разворачивается неравный поединок доброго, работающего Павла Пачина и мстительного, подловатого Игнатия Сопронова.

С такими героями читатель впервые познакомился у В. Белова в очерке «Тиша да Гриша», где было красочно описано и притяжение, и отталкивание двух мужиков, которые «всю жизнь прожили в одной деревне и всю жизнь были соперниками». Новая встреча с героями состоялась в «Плотницких рассказах», где за стычками Олеси и Авенира скры-

вается уже не просто «своеобразная тяга к вечному противодействию», а серьезный нравственный конфликт. Еще более поляризовались отношения между героями-соперниками в «Канунах» — здесь уже нет и намек на давнюю, с детства, дружбу, взаимную симпатию и уважение. Сразу и навсегда возникает трещина в отношениях между Пачиным и Сопроновым, и чем далее, тем все более люютую ненависть питает Игнаха к сопернику. Свою месть он начинает с того, что в грязных сапогах заходит на алтарь во время венчания Павла и Веры, и заканчивает обложением хозяйства молодых непосильным налогом и прямым покушением на жизнь Пачина.

Судьба молодой семьи Пачиных близка и дорога писателю. На примере Павла и Веры, их односельчан В. Белов показывает, как формируется творческое, вдумчивое отношение к работе и жизни. Для писателя дорого извечное стремление крестьянина не оказаться последним — к сожалению, это свойство лишь отчасти было использовано в первые колхозные годы. Между тем к коллективизации Россия конца двадцатых годов подошла с крестьянами, которые умели и хотели трудиться, которые были убеждены, что в их силах наилучшим образом устроить крестьянскую «вселенную». Это огромное творческое начало народа, обусловленное желанием трудиться, жаждой деятельности, значило многое для дальнейшей судьбы общества. Ведь, как писал В. Белов в «Ладе», «все начинается с неукротимого и необъяснимого желания трудиться... Уже само это желание делает человека, этническую группу, а то и целый народ предрасположенным к творчеству и потому жизнеспособным. Такому народу не грозит гибель от внутреннего разложения».

Другой особенностью исследуемого В. Беловым периода деревенской жизни была прочная любовь крестьян к родному очагу, дому, деревне, Отечеству. В очерках «Лад» В. Белов находит возвышенные, страстные слова, чтобы воспеть родной дом, «который всегда находился в ряду таких понятий русского крестьянства, как жизнь и смерть, добро и зло, мать и отец», чтобы нарисовать поэтический образ родного очага, чье тепло равносильно душевному теплу. Под крышей родимого дома герои «Канунов» встречают доброту и терпимость, взаимное прощение обид. Все это в хорошей семье идет от взаимной любви, а в окружающем мире, в деревне переходит в беззлобие, отсутствие ссор, дружбу между людьми, гармонию и спокойствие в обществе.

Разрушение складывавшегося веками творческого отношения к работе и жизни, любви крестьян к родному очагу и происходит на глазах читателей романа «Кануны». Среди тех, кто «разкрестыянили» Россию, — обезумевший от жажды насилия Игнаха Сопронов, который и церковь превращает в клуб, и доносы шлет на товарищей из партячейки, и крестьянам при случае грозит револьвером, и на Павла накидывается с топором. Эту ненависть Игнахи к дружелюбному, спокойному, трудолюбивому мужику, который и мухи зря не обидит, В. Белов объясняет ущемленным еще в отрочестве самолюбием, накопившимся грузом обид и оскорблений:

«И теперь жизнь казалась ему несправедливой пасмешницей, и он вступил с нею в глухую, все нарастающую вражду. Он ничего не прощал людям, он видел в них только врагов, и это рождало страх, он уже ни на что не надеялся, верил только в свою силу и хитрость. А уверовав в это, он утвердился в том, что и все люди такие же, как он, весь мир живет только под знаком страха и силы. Спокойствие в других людях он принимал за выжидательность, трудолюбие — за жадность к наживе. Доброту расценивал как притворство и хитрость».

Такие люди, как Игнаха, с иступленным фанатизмом разрушали лучшие трудовые и нравственные традиции, накопленные вековым опытом крестьянства; восстанавливая сына против отца, мужа против жены, они раскачивали крепкие начала крестьянской семьи, которая, как замечает В. Белов в «Ладе», «для русского человека была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка», — а непокорные семьи с корнем вырывали из деревенской среды.

В интервью, которое В. Белов дал газете «Правда» (под заголовком «Возродить в крестьянстве крестьянское...» оно было опубликовано 15 апреля 1988 года), говорится о поистине трогической судьбе крестьянства, после того как выдвинутая в свое время Троцким идея «трудармий» восторжествовала после 1928 года: непосильные налоги, займы, разгон кооперативов, изъятие у них средств и, наконец, репрессии, расстрелы, суды, выселения — «вот чем обернулся троцкизм для миллионов крестьянских семей!» Репрессии продолжались вплоть до Великой Отечественной войны. «Главным троцкистом» в этом интервью В. Белов называет Сталина, который разгромил Троцкого организационно — убрал его как соперника личной власти, но взял на вооружение суть троцкизма. Его приспешники смотрели на крестьянство как на реакционный класс и под видом борьбы с кулачеством уничтожали не только кооперацию...

Сегодня в трудах историков подчеркивается, что грубым отступлением от ленинизма и вообще от марксизма был курс Сталина на возведение чрезвычайных мер в систему, насилия — в главный метод создания колхозов. В статье научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Бордюгова и В. Козлова «Время трудных вопросов», опубликованной в «Правде» 3 октября 1988 года, прямо указывается, что «поддержав Сталина в вопросе о чрезвычайных мерах и отвергнув бухаринскую концепцию о том, что чрезвычайные меры не могут быть системой, т. е. постоянным методом воздействия на общественные процессы, члены ЦК фактически уже заложили основу той драмы, которая развернется на рубеже 20—30-х годов и в 1937—1938 гг. Возведение чрезвычайных мер в систему привело к гипертрофии функций исполнительных и карательных органов, их выводу из-под контроля партии».

При всей демонической мрачности образа Игнахи Сопронова, В. Белов считает необходимым указать в «Канунах», что выдвинутая в конце 20-х годов концепция вредительства как объяснение всех трудностей со-

циалистического строительства имела и своих оппонентов, которые пытались сопротивляться гипертрофии насилия.

В романе с реалистической достоверностью обрисована фигура сторонника «сознательного и коллективного действия» — Степана Ивановича Лузина, коммуниста, бывшего рабочего с фабрики Печаткина, посланного в деревню на должность председателя местного исполкома Советской власти. Он выступает против созерцательной позиции «боярского потомка» Прозорова, стареющего хозяина давно не отремонтированного флигеля и двух десятин запущенной пашни. Прозоров отвергал право кого-либо вмешиваться в жизнь русского крестьянства. Для Лузина же «борьба — это не только право, но и... обязанность». Он уверен, что именно большевики лучше других воспользуются правом на переделку мира и сделают это «безболезненное и быстрее». Лузин выступает на партийке с требованием обсудить поведение Сопронова, чьи действия бросают тень на местных партийцев, и первым голосует за освобождение Игнахи от обязанностей секретаря Ольховской ячейки. Это он, будучи председателем ВИКа, в разговоре с секретарем Вологодского губкома Шумиловым возмущается практикой, когда «тебе велят бить не кулака, а самую что ни на есть бедноту», отстаивает необходимость в создавшихся условиях действовать с особой осторожностью, не злоупотреблять «левыми лозунгами» и своевременно цитирует выдержку из работы В. И. Ленина «О кооперации»:

«Собственно говоря, нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Т о л ь к о» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму... Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас...»

Лузин полагает, что по кулаку «ленинский кооперативный план бьет намного верней и надежней», чем все эти левые лозунги, и надо «дать крестьянину трактор», чтобы он понял выгоды от обобществления земли, от производственной кооперации.

Однако в условиях, когда на рубеже 20—30-х годов ситуативное применение чрезвычайных мер превратилось в регулярную систему управления обществом, «возродить в крестьянстве крестьянское» уже не было по силам даже таким хорошим людям, как Степан Лузин.

Не просто каждому из нас читать третью часть «хроники конца 20-х годов» «Кануны». Мысль то и дело возвращается к судьбам сегодняшней деревни, когда в результате «раскрестьянивания» выросли поколения, которым уже ничего не нужно — ни земли, ни животноводства, ни родного дома. Пройдите по многим вологодским деревням: земли запущены, зарастают ольхой. Крепкие на вид дома гниют и пустуют... По свидетельству В. Белова, на Вологодчине из-за «неперспективности» прекратили существование несколько тысяч деревень. А по Северо-Западу — десятки тысяч. Прав писатель, когда в упоминавшемся выше интервью «Правде» делает вывод, что «трагические потрясения, пережитые деревней за ко-

роткий исторический срок, не могли, конечно, не сказаться на духовных, нравственных устоях народа», ведь культура и нравственность немислимы без материальной основы.

Эту материальную основу деревни и разрушает прибывший в Ольховский сельсовет для организации колхоза в деревнях Шибаниха, Починок, Залесная Игнаха Сопронов. Сворачивается кредитное дело, душатся машинные товарищества и ТОЗы, изымаются денежные и основные кооперативные средства. Поучительной в этом плане оказывается история прекрасного начинания Павла Рогова — построить ветряную мельницу. Однодневные деревенские помочи кладут начало артельному делу, в котором на первых порах принимают участие еще трое крестьян. Но из-за повышения налогов маленькая артель распадается, и Павлу приходится в одиночку заканчивать строительство. С трогательной нежностью приступает Павел к первому помолу. Шорох камней, кромсавших зерно, кажется ему столь же прекрасным, как шум лесного безгрозового дождя или как шелест многих берез. Всё ликует в сердце крестьянина, все радостно отзывается на мельничный шум и на мельничный запах. И кажется ему, что ничто никогда не остановит эту ласковую, теплую хлебную струю... Но уже наложен на его отца Данило Пачина такой налог, который ему не выплатить и в четыре года; уже назначены на воскресенье торги, когда будут проданы за недоимки и десятиведерный котел, и швейная машинка, и выделанная коровья кожа... В заветный «список контрреволюционного элемента» внесены Сопроновым самые трудолюбивые крестьяне деревни, и в первую очередь семья Роговых в полном составе, включая Павла Даниловича, а главным «аргументом» становится сам факт строительства артельной мельницы.

Крестьян из Шибанихи и окрестных деревень насильно заставляют вступить в колхоз, обобществляют всю живность, включая куриц, и делают всё это в такой спешке, что деревня поистине становится «похожей на похмельную бабу». Крестьянам, привыкшим с любовью и старанием вести хозяйство, не по себе слышать ржание непоенных, согнанных на клюшинское подворье коней — обрывать их запретил шустрый уполномоченный Фокич. Ревут недоенные, обобществленные коровы, блеют, как недорезанные, овцы... Понятно, почему во многих деревенских домах слышна ругань, в других — причитания, в третьих выстаивается «недобрая мертвецкая тишина». Неужели не понимали в конце 20-х годов те, кто рушил многие вековые традиции народа, что унижать крестьянство — значит рубить сук, на котором сидим?

Читая «Кануны», ощущаешь неподдельную тревогу автора за судьбу российской деревни. Продолжая традиции русской и советской классики, В. Белов с подлинной гражданственностью, глубокой социальностью и лиричностью изображает народную жизнь в ее развитии, высвечивает духовный, нравственный смысл крестьянского труда, призывает беречь богатства и красоту природы, уважать философско-нравственный опыт деревни.

Будучи верен ленинским принципам отношения к крестьянству, ленинской идее такого кооперативного оборота, в котором «действительно участвуют действительные массы населения», участвуют сознательно, с высоким пониманием значения этого дела, «доброкачественно», В. Белов смело берется за освещение узловых моментов нашей истории. В каждом своем новом возвращении к материалу северной деревни В. Белов стремится к более глубокому идейно-эстетическому освоению многообразной картины развивающейся действительности, ставит перед собой задачу поднять на новый уровень изображение «привычного дела» северного крестьянства.

Тема прощания со старой деревней, мимо которой не прошел и В. Белов, отнюдь не продиктована желанием уйти от трудностей жизни к описанию завершившихся исторических этапов, свести нравственные уроки к мудрости людей предшествующего поколения. Эта тема рождена тревогой за будущее нашего крестьянства, горячим желанием сделать его жизнь лучше, изобильней.

Проза В. Белова пронизана и объединена могучим чувством любви к Родине. Для писателя, как и для его героев, «родная природа, как и родная мать, существуют только в единственном числе: все чудеса и красоты мира не могут заменить какой-нибудь невзрачный пригорок с речной излучиной, где растет береза или верба... Еще милей становятся родные места, когда каждая пядь близлежащей земли знакома на ощупь». И в этой активной жизненности прозы В. Белова, в устремленности к человеку сегодняшнего и завтрашнего дня Нечерноземья — ее непреходящие сила и значимость.

Ю. Дюжев